

УДК 165

АРГУМЕНТАЦИЯ. МОРАЛЬ. ПРАВО

Л.А. Демина

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Москва

Аргументация и коммуникация традиционно считаются основными средствами просвещения. Насколько это значимо в наш «жестокий век», когда изоощренные пропагандистские технологии власти, казалось бы, опровергают этот тезис и претендуют в значительно большей степени на умы и души людей? В какой степени сохраняется значение рациональности, критического мышления? Именно в связи с этими вопросами мы возлагаем надежду на коммуникативный диалог как средство достижения взаимопонимания людей, разделенных экономическими, политическими, идеологическими и культурными границами.

Ключевые слова: *аргументация, коммуникация, рациональность, критическое мышление, мораль, право.*

В ряде аргументативных процессов при обсуждении правовых проблем, в дискуссиях морально-этического и религиозного плана используется аргументация, учитывающая характер аудитории, индивидуальные особенности собеседников (см.: [1–3]). Таким образом, возникает необходимость учитывать не только логические требования к аргументации, но и следующие внеязыковые контексты:

политико-экономический (связанный с внешними обстоятельствами коммуникации, ситуацией в стране, политическими убеждениями собеседников);

социальный (принадлежность к той или иной социальной или профессиональной группе);

культурный (принадлежность к той или иной культуре, уровень культуры, особенности языка, стиля речи);

этнонациональный (особенности этнической и национальной культуры);

образовательный (уровень подготовленности и знаний аудитории);

религиозный (принадлежность к той или иной конфессии).

Кроме того, необходимо учитывать и ориентироваться при выборе аргументов на эмоциональное состояние аудитории (собеседников), их личный опыт, вкусовые пристрастия. Таким образом, мы обратимся к рассмотрению ряда аргументов философско-правового и морально-этического направления.

«*Аргумент к традиции*» является одним из наиболее общих и широко распространенных приемов в аргументации. Это объясняется во многом тем, что он применим практически в любой области: в науке он указывает на преемственность знаний и методов исследования, в искусстве – на преемственность стиля, мастерства; он убедителен и в спорах на этические и религиозные темы, и в практических рассуждениях.

Традиция может охватывать все общество в определенные периоды его развития. Наиболее популярные традиции, как правило, не осознаются как та-

ковые – особенно это характерно для традиционного типа общества. Принятые в таком обществе правила поведения и жизни в целом почитаются как вечные и неизменные установления.

Традиции присущ двойственный характер: она одновременно представляет собой и описание, и оценку. С одной стороны, в традиции закрепляется прошлый опыт успешной деятельности, и в этом состоит её позитивная роль. С другой стороны, она является предписанием будущей деятельности, поведения, что выражает её консервативную функцию. Человек в традиции выступает как звено в цепи поколений, он связан и с прошлым, и с будущим.

В эпоху Просвещения возникла своеобразная «традиция» отрицания традиций: традиционалистское мышление рассматривалось как опирающееся на предрассудки, на некритическое принятие авторитетов, прежде всего авторитета Священного писания и его догматического истолкования. В этом плане приветствовалась Реформация, одной из задач которой было научить людей пользоваться собственным разумом при понимании религиозных текстов. Такому типу мышления противопоставлялся научный метод, следующий декартовскому принципу подвергать все сомнению, не принимать ничего на веру. Эту идею И. Кант сформулировал следующим образом: «Имей мужество пользоваться собственным умом» [4, с. 25]. Итак, обозначены были две крайности: либо опираться во всем на традиции и авторитеты, либо – исключительно на разум. В соответствии с этими крайностями формируются две позиции, две методологические установки, которые распространяются на анализ культуры и общества: традиционализм (традиция выше разума) и антитрадиционализм (традиция – предрассудок и должна быть преодолена с помощью разума).

Характерными чертами традиционализма являются консерватизм и отказ от новаторства. Опора исключительно на разум чревата возможными ошибками и поспешностью, поэтому необходима его дисциплина, следование методу.

Скорее всего, следует согласиться с точкой зрения, высказанной Х.-Г. Гадамером: «...безусловной противоположности между традицией и разумом не существует. В действительности традиция всегда является точкой пересечения свободы и истории. Даже самая подлинная и прочная традиция формируется не просто естественным путем, благодаря способности к самосохранению того, что имеется в наличии, но требует согласия, принятия, заботы. По существу своему традиция – это сохранение того, что есть, сохранение, осуществляющееся при любых исторических переменах. Но такое сохранение суть акт разума, отличающийся, правда, своей незаметностью. Отсюда проистекает то, что обновление, планирование выдают себя за единственное деяние и свершение разума. Но это всего лишь видимость. Даже там, где жизнь меняется стремительно и резко, как, например, в революционные эпохи, при всех видимых превращениях сохраняется гораздо более старого, чем полагают обыкновенно, и это старое господствует, объединяясь с новым в новое единство» [5, с. 333].

Что же касается предрассудков отдельного человека, то они, по мнению Гадамера, гораздо в большей степени, чем его суждения, составляют историческую действительность его бытия. Следовательно, задача состоит не в том, чтобы избавиться от предрассудков, а так, чтобы выявить, проанализировать критически, суметь отделить существенные и неизбежные, даже не предрассудки, а предпосылки нашего понимания от недостаточно обоснованных (пред-мнений) и, наконец, от ложных (которые, наверно, и должны называться

предрассудками в негативном смысле или просто заблуждениями). С этой целью он формулирует ряд естественных требований, которым нужно следовать при обращении к текстам, как-то: не пользоваться без проверки собственным словоупотреблением; добиваться понимания, исходя из словоупотребления эпохи и (или) автора; быть восприимчивым к инаковости текста; помнить о собственной предвзятости, чтобы текст проявился во всей его инаковости и тем самым получил возможность противопоставить свою фактическую истину нашим собственным пред-мнениям.

Эти требования можно отнести в целом к любому употреблению «аргумента к традиции».

Разновидностью аргумента к традиции является «аргумент к норме» – апелляция к норме, обычаю или признанному суждению как критерию правильности. В качестве нормы может выступать правило (или образец), которое предназначено для выполнения или признается всеми членами общества. (Примерами нормы могут быть правовая статья, технологическое правило, догмат веры, ссылка на авторитетный источник.)

Другим распространенным приемом является «аргумент к авторитету».

«Аргумент к авторитету» – ссылка на мнение или действия лица, которое пользуется доверием, уважением или имеет влияние в данной аудитории.

«Аргумент к авторитету», как мы уже отмечали, близок к «аргументу к традиции».

«Аргумент к авторитету» проявляется в таких видах аргументации, как пояснения на примерах, комментаторство. Его использование в ряде случаев указывает на легковерие, отсутствие критицизма; часто оно выливается в дидактизм, учительство, назидательность. В любом случае следует различать авторитеты истинные и авторитеты ложные.

И. Кант подчёркивает: «...но если авторитет других мы делаем основанием нашего признания истинности в области рациональных познаний, то мы принимаем эти познания лишь из-за предрассудка. Ибо рациональные истины имеют значение независимо от имени; тут вопрос не в том, кто это сказал, а в том, что сказано. Не имеет никакого значения то, благородного ли происхождения знание, но тем не менее склонность к авторитету великих людей весьма распространена, отчасти благодаря ограниченности собственной проницательности, отчасти благодаря жажде подражать тому, что нам представляется великим» [6, с. 385].

Сходное мнение высказывал и А. Шопенгауэр: «Каждый охотнее верит, чем судит о чем-либо, – говорит Сенека; поэтому легко спорить, имея за собой такой авторитет, к которому противник относится с уважением. А чем ограниченнее знания и способности противника, тем большее количество авторитетов имеет для него значение. Если же он обладает первостепенными познаниями и способностями, то для него или очень немногие будут авторитетами, или никто... Напротив, заурядные люди проникнуты глубоким почтением к специалистам всякого рода» [7, с. 279].

Авторитаризм как стиль мышления может быть охарактеризован такими чертами, как цитатничество, канонизация тех или иных персон, несамостоятельность, ориентация на образец, отсутствие новаторства. Определенные основания для такого типа мышления имеются в самой природе человека. Один из основателей американской автомобильной промышленности Генри

Форд отмечал: «Для большинства людей является наказанием необходимость самостоятельно мыслить» [8] (В частности, к идее конвейера Форда привели именно наблюдения над поведением рабочих его заводов: он обнаружил, что больше всего непроизводительные потери времени проистекают из-за размышлений над тем, в какой последовательности и какие именно операции следует выполнять.)

Тем не менее ссылка на авторитет бывает уместной, а иногда и необходимой. Например, это *ссылка на эпистемический авторитет* – указание на мнение авторитетного знатока в какой-либо области; *«свидетельство»* (или аргумент к свидетельству) – приведение слов из авторитетного источника в подтверждение тезиса или для указания его причины (разновидностью является научное цитирование); *ссылка на деонтический авторитет* – указание на мнение авторитетного вышестоящего лица или органа. («В этом переходе нельзя торговать. Таково недавно принятое постановление администрации города».)

«Аргумент к авторитету» может превратиться в уловку, когда он используется в качестве давления на противника, т.е. делается ссылка на авторитет лица или идеи, против которых оппонент не посмеет спорить. Существует и обратная уловка – отрицание всяческих авторитетов.

«Аргумент к образцу» (антиобразцу)

Аргументация к образцу выступает как разновидность прагматической аргументации, побуждение к подражанию. Одновременно это и особый вид ценностной аргументации, обращение к высшим авторитетам.

Образцами для подражания могут служить лица или группа лиц, общественный престиж которых придает значимость их поступкам. Авторитет такого лица служит посылкой, на основании которой делается заключение, рекомендуемое поведение определенного типа. Существуют образцы для всеобщего подражания, в других случаях образец рассчитан на узкий круг людей, а иногда – только на одного автора. Существуют модели для определенных ситуаций: веди себя как примерный семьянин, как хороший ученик и т.п.

Человек, общество и эпоха характеризуются теми образцами, которые они принимают, а также тем, как они эти образцы понимают (интерпретируют). В разные времена формируются идеальные модели-образцы «благородного мужа», «совершенно мудрого», «просветленного», «мудреца», «рыцаря», «гражданина», «достойного человека» и т.п. Ссылка на образец указывает на тот тип поведения, который приемлем в данном обществе и которому надо следовать. Следование «высокому» общепризнанному образцу повышает и авторитет самого человека: так, согласно Платону, философ являет собой образец для сограждан, постольку поскольку для него самого образцом выступают боги.

Безразличие к образцам может само по себе выглядеть как образец: в пример тогда ставится тот, кто избежал соблазна подражания. (Так, Фридрих Ницше писал об «аристократическом удовольствии – не нравиться».) Возможность и такой аргументации указывает на то, что данный способ аргументации, являясь ценностно-нагруженным, не привязан, тем не менее, к каким-либо конкретным ценностям или общественным условиям.

Авторитетное лицо, как правило, описывается в соответствии со своей ролью образца, для убедительности приводятся те или иные его черты или поступки, имитируются даже его образ или положение в обществе для того, чтобы было легче следовать его поведению. Однако имитация сближения между

образцом и тем, кто ему следует, может несколько обесценить его образ: феномен моды – в широком смысле этого слова – объясняется, как известно, свойственным толпе желанием приблизиться к тем, кто задает тон, равно как и желанием последних выделиться из толпы и бежать от нее. Толпа при этом становится антиобразцом.

Если указание на образец позволяет рекомендовать определенное поведение, то указание на антиобразец, на отталкивающий пример позволяет от него отвратиться. Порой при этом возникает своеобразный «эффект антиобразца»: люди приходят к выбору определенного поведения только потому, что оно противоположно поведению антиобразца (например, если они – антиобразцы – благочестивы и добродетельны, то это вызывает в других желание быть вольнодумцами и людьми распущенными). На таком отталкивании от буржуазной морали как антиобразца возникали в 60-е гг. XX в. молодежные бунты, движение хиппи и другие модели нон-конформистского поведения.

В силу эффекта отталкивания, производимого антиобразцом, последний нередко предстает в условном или намеренно искаженном виде. При всем том введение антиобразца, вместо того чтобы вызывать чисто отталкивающий эффект, может служить затравкой для аргументации *a fortiori* – доказательству «к более сильному» (распространение доказательства от менее очевидного на более очевидное), так как антиобразец представляет собой этический минимум, ниже которого опускаться недопустимо. Но поскольку антиобразец часто выступает и как противник, с которым надо сражаться, то аргументация существенно усложняется: известно, что соперничество развивает в антагонистах схожие черты, они постепенно заимствуют друг у друга эффективные приемы. Поэтому в такой ситуации особое внимание следует обратить на разграничение целей и средств, вечного и преходящего, законного и противозаконного.

Когда человек предлагает другому какое-то лицо в качестве образца для подражания (или, наоборот, в качестве антиобразца), то он должен представлять себе то, что из этого следует, что он сам также принимает этот образец и стремится следовать ему. Аргументация с помощью образца или антиобразца может автоматически переноситься на самого аргументатора: его собственное поведение оценивается с позиции соответствия образцу, побуждает других вести себя так же, либо, наоборот, отвращает от него.

В завершение темы об образцах заметим, что, как правило, образцы не заимствуются из личного опыта (в лучшем случае это будет пример). Поэтому особую значимость приобретают общечеловеческие образцы, предстающие в образах Иисуса, Муххамеда, Будды, имеющих вневременной и независимой от обстоятельств смысл и служащих путеводной нитью в различных жизненных обстоятельствах.

«Аргумент к интуиции»

Момент интуиции присущ всем сторонам нашей повседневной жизни: это интуитивное принятие решения (Быть или не быть? Казнить или помиловать?), интуитивное «схватывание» смысла текста, научной идеи, произведения искусства, интуитивная догадка – то, что заставляет нас проделать ряд шагов для ее подтверждения или опровержения. Между тем само это понятие чаще всего остается не разъясненным. Е.Л. Фейнберг выделяет два понимания интуиции:

1) *интуиция – это прямое усмотрение истины, т.е. усмотрение объективной связи вещей, не опирающееся на доказательство.* Это – «интуиция-

суждение», то, что в работах философов-рационалистов Нового времени называлось «интеллектуальной интуицией». Т. е. это – такие истины, которые не могут быть ни логически обоснованы, ни логически опровергнуты. К числу таких истин относятся основополагающие суждения любой науки – аксиомы и постулаты;

2) *интуиция понимается как угадывание результата, который обязательно должен быть подтвержден логическим доказательством или опытной проверкой.* Это – «интуиция-догадка», «эвристическая интуиция», которая играет вспомогательную роль в процессе рассуждения, исследования, практически любой деятельности (например, следуя к определенной цели, мы интуитивно выбираем одну из множества тропинок в лесу и лишь потом убеждаемся, правильной ли была интуиция, привела ли она нас к искомому результату или нет) [9., с. 9].

И тот, и другой вид интуиции используются в процессе аргументации. Но следует различать их значение, а соответственно и роль этого средства аргументации.

Первая интуиция – интуиция-суждение – играет фундаментальную роль в познании: она создает аксиоматический базис для любой новой научной теории, науки в целом; она необходима для формирования научного мировоззрения, прежде всего для выработки определенного отношения к идее существования объективного мира (это уже философские интуиции). Именно о такой интуиции писал Р. Декарт в «Правилах для руководства ума» Декарт пишет: «Под интуицией я понимаю не веру в шаткое свидетельство чувств и не обманчивое суждение беспорядочного воображения, но понятие ясного и внимательного ума, настолько простое и отчетливое, что оно не оставляет никакого сомнения в том, что мы мыслим, или, что одно и то же, прочное понятие ясного и внимательного ума, порожаемое лишь естественным светом разума и благодаря своей простоте более достоверное, чем сама дедукция, хотя последняя и не может быть плохо построена человеком, как я уже говорил выше.

Так, например, всякий может интуитивно постичь умом, что он существует, что он мыслит, что треугольник ограничивается только тремя линиями, что шар имеет только одну поверхность и подобные этим истины» [10, с. 86].

Но, говоря о такого рода фундаментальных интуициях, мы должны всегда помнить об их субъективном, зависящем от человека, исторически переходящем характере. Аксиомы эвклидовой геометрии долгое время представлялись интуитивно ясными даже самим математикам, не говоря уж о повседневном опыте большинства людей. Отрицание очевидности некоторых из них привело к созданию неэвклидовых геометрий, базирующихся на иных интуициях пространства, что потребовало ограничения списка аксиом. Для древних греков, например, состояние покоя представлялось более естественным, чем состояние движения, никто не сомневался, что небесные тела движутся по круговым орбитам и т.п. Последующее развитие физики опровергло эти обыденные представления. Мы же теперь знаем о неточности, ограниченности ряда интуиций классической физики и знаем, например, что эйнштейновская картина пространства-времени является более точной, чем ньютоновская, но это не означает, что со временем и она станет ограниченно истинной.

Интеллектуальная интуиция в широком смысле применительно к социальным значимым контекстам может пониматься и как синоним «выбора решения» в ситуации, когда нельзя найти логического обоснования для того или

иною решения при наличии многих возможных (например, в ситуации «мозгового штурма»), экспертного решения, экстремальных обстоятельствах, усмотрения судьбы).

Таким образом, в научной аргументации мы должны помнить об ограниченности «аргумента к интуиции» – ограниченности историей, имеющейся парадигмой; в повседневном и деловом общении – о субъективной «нагруженности» такого аргумента, зависимости от личности и вкуса автора. В то же время «аргумент к интуиции» – необходимый элемент всякого процесса принятия решения (в экономике, политике, судебной деятельности, военном деле), всякой дискуссии и обсуждения – в момент, когда мы осуществляем выбор продолжать дискуссию или нет, достаточны ли высказанные аргументы (а их «достаточность» всегда определяется интуитивно) или нет.

Иную роль играет интуиция-догадка, эвристическая интуиция. Она, в отличие от первой, не «окончательная истина» (по крайней мере субъективно так принимаемая), а лишь начальный этап научного исследования, следственного действия, совместной работы, обсуждения. Именно поэтому она нуждается в дальнейшей логической разработке и в обязательной эмпирической, практической проверке.

Важными критериями, позволяющими использовать оба вида интуиции в качестве убеждающего фактора, являются:

отсутствие логических противоречий;

наличие субъективного чувства «внутренней убежденности»;

высокая степень совпадения убежденности разных людей, экспертов, специалистов.

«Аргумент к вере»

Вера – глубокое, искреннее убеждение в справедливости какого-то положения или концепции.

Вера заставляет принимать какие-то положения за достоверные и доказанные без критики и обсуждения. Как и интуиция, вера субъективна. Но, в отличие от интуиции, вера захватывает не только разум, но и эмоции. Вера противоположна сомнению и отлична от знания. Тем не менее в настоящее время в философии принимается точка зрения о конструктивной роли веры в процессе познания и науке в целом. Эта точка зрения базируется на следующем: вера имеет свои основания – это жизненный опыт, традиции («опыт предков»), общезначимость (ряд безотчетных уверенностей, которыми мы руководствуемся автоматически, например: земля твердая, огонь горячий и т.п.). Среди ряда верований, свойственных европейскому человеку, есть и вера в разум. Исключая веру из познания, мы исключаем «жизненный мир» человека, мир его повседневности, без которого человек превращается в абстракцию. В науке действуют также живые люди, руководствующиеся не только рациональными соображениями, но и собственными субъективными оценками, своим отношением, чувствами, эмоциями. Стремление к истине невозможно без искренней уверенности в своей правоте, в правильности своего пути, своей теории. Переход от старой теории к новой (при смене научных парадигм) также несет в себе момент иррационального, связан с изменением системы верований. Это не отменяет рациональной аргументации, но ограничивает ее возможности.

В целом как в научном мышлении, так и в аргументации верования играют роль неявных предпосылок знания.

В указанном смысле «аргумент к вере» близок к «аргументам к традиции», «к интуиции», «к здравому смыслу».

Иное дело – религиозная вера. Здесь необходимо указать ряд критериев, противопоставляющих ее научному знанию (даже включающему элементы верований). Во-первых, это включенность в религиозные учения антиномий, т.е. логически неразрешимых противоречий. Во-вторых, противоречие, а часто и отрицательное отношение к положительному знанию, результатам науки, особенно естественных наук. В-третьих, догматический метод объяснения, т.е. безусловная вера в догму, в принятые ортодоксальным учением положения, в авторитеты церкви. Наиболее крайняя формулировка этого принципа дана раннехристианским теологом и писателем Тертуллианом, чьи слова в переводе П.А. Флоренского звучат так: «Что умер Сын Божий – это достоверно, потому что нелепо; что он, погребенный, воскрес, несомненно, потому что невозможно» [11]. Отсюда следует знаменитый тезис: «Верую, потому что абсурдно».

Аргументационная сила веры состоит в ее незыблемости, в способности твердо стоять на своем, особенно в ситуации резкого противостояния взглядов, что может в конце концов убедить и противников. Вера в этом случае остается последним аргументом.

Приведем в заключение один из примеров твердости веры и ее убеждающей силы со ссылкой на Л.Н. Гумилева. «К III веку, – пишет Л.Н. Гумилев, – количество христиан выросло невероятно, но принципиальность свою они сохранили. Случилось, например, в Галлии восстание багаудов, и надо было послать хорошие войска на подавление этого восстания. Восстание было не христианским по существу, но какая-то часть этих багаудов или их вождей были христиане. А может быть и не были, а про них только слух прошел, что они христиане, которые убивают своих помещиков-язычников, что они действительно делали. Против них направили для подавления один из самых лучших и дисциплинированных легионов империи – десятый Фиванский легион. Те приехали в Галлию и вдруг узнают, что их посылают против единоверцев. Они отказались. Восстания в римской армии в то время были постоянны, а в легионе 40 тысяч человек вместе с обслугой. Но эти не восстали. Просто 40 тысяч человек отказались подчиниться начальству, и они знали, что за это полагается казнь через десятого – децимация. Они положили копья, мечи и сказали: “Воевать не будем!” Ну что ж? Через десятого – выйди, выйди, выйди... и отрубает голову. “Пойдете воевать?” – “Не пойдем!” Еще раз через десятого... и еще раз! Весь легион без сопротивления дал себя перебить. Они сохранили воинскую присягу, они дали слово не изменять и сдержали слово, но не против своей совести. Совесть была для них выше долга. Есть такой церковный праздник “Сорок тысяч мучеников” – это в память о десятом Фиванском легионе...»

Но все преследования не могли спасти империю от того, что количество людей нового склада, людей-правдоискателей увеличивалось, и к III в. христиане заполнили администрацию, воинские части, суды, базары, села... оставив язычникам только храмы... Удивительно, не правда ли?» – восклицает Гумилев. Победа была одержана через гибель!» [12]

«Аргумент к здравому смыслу»

*Латинский аналог – *argumentum ad iudicium* (букв. – аргумент к суждению) – ссылка на здравый смысл, т.е. апелляция к обычному житейскому здравомыслию.*

Практическое знание – это особый, самостоятельный вид знания, оно направлено на конкретную ситуацию и требует учета обстоятельств в их бесконечном многообразии. Жизнь не строится исходя из теоретических начал и общих принципов, она конкретна и руководствуется конкретным знанием, оцениваемым с позиции здравого смысла.

Здравый смысл – это то общее, присущее каждому человеку чувство истины и справедливости, приобретаемое с жизненным опытом.

Это не знание, но скорее способ отбора знания, благодаря которому в знании различают главное и второстепенное. Руководство здравым смыслом особенно необходимо в гуманитарной аргументации, где слишком велика доля интуитивно или на веру принимаемых предпосылок, способных ввести в заблуждение, при обсуждении проблем, касающихся жизни и деятельности человека. Об этом употреблении «аргумента к здравому смыслу» хорошо сказал И. Кант: «Здравый смысл (*sensus communis*) сам по себе также является пробным камнем для обнаружения недочетов искусственного употребления рассудка. Это означает способность ориентироваться в мышлении, или в спекулятивном применении разума при помощи здравого смысла, когда обыденный рассудок используют в качестве пробы для оценки правильности спекулятивного» [13, с. 314].

«Аргумент к здравому смыслу» – это обращение к аудитории с целью найти у нее поддержку (в ее здравом смысле). Ведущую роль в такой аргументации играют примеры, жизненный опыт. Здравому смыслу нельзя научить, им можно только овладеть самостоятельно. Значимость суждений здравого смысла, как правило, не выходит за пределы своей эпохи, «жизненного мира» человека, его почвы повседневности.

При этом необходимо учитывать двойственность «аргументов к здравому смыслу»: избавляет от иллюзий и необоснованных спекуляций, с одной стороны, с другой – он всегда ориентирован на взгляды и мнения большинства, а следовательно, противостоит всему новому, неординарному, не вписывающемуся в привычную схему мировосприятия.

Список литературы

1. Алексеев А.П. Аргументация. Познание. Общение. М.: МГУ, 1991. 150 с.
2. Ивин А.А. Основы теории аргументации. М.: Эдиториэл УРСС, 2000. 352 с.
3. Еемерен Ф.ван, Гроодтендорст Р., Хеннкенманс Ф.С. Аргументация: анализ, проверка, представление. СПб.: СПбГУ, 2002. 154 с.
4. Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Кант И. Соч.: в 6 т. / под общей редакцией В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 25–37.
5. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
6. Кант И. Логика. Пособие к лекциям 1800 // Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 319–444.

7. Шопенгауэр А. Эристическая диалектика, или искусство побеждать в спорах // Шопенгауэр А. Собр. соч.: в 6 т. М.: ТЕРРА–Книжный клуб; Республика, 2001. Т. 6: Из рукописного наследия. С. 259–286.
8. Форд Г. Моя жизнь, мои достижения [Электронный ресурс] URL: <http://n-t.ru/ri/fr/mz07.htm> (дата обращения 20.05.2018).
9. Фейнберг Е.Л. Две культуры. Интуиция и логика в искусстве и науке. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1992. 251 с.
10. Декарт Р. Правила для руководства ума // Декарт Р. Избранные произведения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. С. 77–170.
11. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины [Электронный ресурс] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/stolp-i-utverzhdenie-istiny/4 (дата обращения 20.05.2018).
12. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало: Популярные лекции по народоведению. М.: АСТ, 2000. 415 с.
13. Кант И. Логика, 1800 // Кант И. Соч.: в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 266–398.

ARGUMENTATION. MORALITY. LAW

L.A. Demina

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Argumentation and communication are traditionally considered the main tools of education. Are they still significant for educating people in the «cruel age» of violent domination of different power technologies pretending to have unlimited influence on human mind and soul? To what extent rationality and critical thinking could pretend to be still important? Raising these questions, we hope to preserve the communicative dialogue as a basis of human understanding for the people divided by economic, political, and cultural boundaries.

Keywords: *argumentation, communication, rationality, critical thinking, morality, law.*

Об авторе:

ДЕМИНА Лариса Анатольевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философских и социально-экономических дисциплин ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» (МГЮА), г. Москва. E-mail: ldemina05@mail.ru

Author information:

DEMINA Larisa Anatolievna – PhD, Prof. of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). E-mail: ldemina05@mail.ru